

УДК 81

СТРУКТУРА ЧАСТИЦ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

© Р. З. Мурьясов

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел.: +7 (347) 273 28 42.

Email: frgf.dekanat@rambler.ru

Полевая природа пронизывает как всю систему частей речи, так и каждую часть речи в отдельности. К ядру системы частей речи можно отнести существительные, прилагательные и глаголы. К частям речи, близким к ядру системы, относятся местоимения, наречия и числительные. Периферийную зону создают так называемые частицы речи, включающие предлоги, союзы и частицы в узком смысле слова. Наиболее противоречив частеречный статус частиц. Многие лингвисты рассматривают их как отдельные разряды наречий. С точки зрения своей структуры частицы можно разделить на простые (корневые), производные, сложные и составные. Собственно частицы являются корневыми (простыми и, как правило, односложными). Большинство производных и сложных характеризуются затемненными отношениями между своими непосредственными составляющими.

В рамках данной части речи доминируют слова других частей речи, употребляющихся в зависимости от коммуникативно-прагматических особенностей текста, в значении частиц.

Ключевые слова: *частицы речи, полевая структура, простые, сложные и составные частицы, деривационная дефектность.*

Невозможность выработки единых критериев классификации частей речи как в одном языке, так и при типологии разноструктурных языков обусловлена самой природой единиц вокабуляра, в котором представлены гетерогенные классы слов как в семантическом, так и грамматическом отношениях. Даже в рамках автосемантических, т.е. полнозначных частей речи, в которых предполагается наличие полного набора признаков, необходимых для характеристики с точки зрения их частеречного статуса, лингвист вынужден постулировать принцип полевой структуры, т.е. неодинаковую универсальность релевантности общепризнанных в лингвистической науке критериев отнесения слова к той или иной части речи. Каждая часть речи состоит из ядра, или прототипического слоя, состоящего из группы слов, обладающих полным комплектом необходимых признаков для безоговорочного отнесения их к той или иной части речи, и периферийных зон, включающих также единицы, которым присуща только часть подобных признаков. Так, в количественном отношении наиболее крупная часть речи – имя существительное – представлена весьма разнородными группировками, для которых характерна разная степень последовательности и релевантности семантических и морфологических признаков, ср. дихотомии «имена собственные: имена нарицательные», «конкретные: абстрактные» и т.д., которые обуславливают грамматическую значимую дихотомию «исчисляемые: неисчисляемые», лежащую в основе грамматической категории числа. Приведенные выше семантические оппозиции влекут за собой морфолого-парадигматические и словообразовательные различия [1–8 и др.].

В глагольной системе также выделяются такие разряды, для которых характерно разная степень парадигматической полноты-неполноты (ущербности) [9].

С другой стороны, вокабуляр языка обогащается прежде всего благодаря многогранной взаимопроницаемости частей речи, а именно благодаря функционированию аффиксальных (суффиксальных, префиксальных, префиксально-суффиксальных) моделей, имплицитной деривации, внутренней флексии и конверсии.

Взаимопроницаемость частей речи, их взаимодействие нельзя сводить только к формуле перехода слов одной части речи в другую часть речи (сущ. → глагол, глагол → сущ. и т.п.). Она затрагивает также глубинные семантические процессы. Например, такие семантические признаки уровня грамматической категориальности глагола, как темпоральность, залоговость, аспектуальность при образовании однокорневых существительных не исчезают, а присутствуют в компрессированном, скрытом виде в семантической структуре последних. Такого рода семантические признаки мы называем изограмматическими, т.е. грамматикоподобными [10]. Так, в семантической структуре агентивных существительных, образованных от перфективных глаголов, семантические признаки «аспектуальность», «темпоральность», «таксис» представлены в свернутом виде, ср. нем. Gewinner «выигравший», Ausbrecher «беглец (совершивший побег из тюрьмы)», русс. победитель, покоритель, обидчик, погорелец и т.п. [10].

Наблюдения над разными частями речи, а именно над их ядром и периферией приводит к выявлению глубинных связей между их парадигматической характеристикой и словообразовательной активностью. Чем богаче морфолого-парадигматические формы этого или иного разряда части речи, тем большей деривационной мощностью они обладают и, наоборот, чем дефектнее грамматическая парадигматика класса слов, тем меньше дери-

вационная мощность для них характерна. Так, из 44 прилагательных с ограниченной синтаксической функцией, а именно употребляемых только в качестве предикативного атрибута в составе сказуемых, только семь, т.е. 15.9% выступают в качестве производящих основ суффиксальных существительных: *angst, abspenstig, ansichtig, abhold, allein, ausfindig, einerlei, eingedink, anheischig, barfuß* и т.д. Примеры извлечены из шеститомного словаря современного немецкого языка под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница.

А от морфологически абсолютно дефектных, т.е. не обладающих согласовательными флексиями рода, падежа и числа при атрибутивном употреблении прилагательных, могут быть образованы только существительные конверсивного типа: *lila Stoff-das Lila, beige-das Beige, rosa – das Rosa, orange – das Orange*.

Особенно непоследовательна классификация так называемых частиц речи, т.е. синсемантических слов – предлогов, союзов, частиц соответствующего смысла слова [11]. Ни одна часть речи, ни в одном из сопоставляемых нами языков (русском, английском, немецком, французском, татарском, башкирском) не характеризуется такой уровневой хаотичностью, как частицы. Особенно сложны и противоречивы отношения между наречиями и частицами, так как наречия «служат базой для образования частиц, предлогов и союзов» [12, с. 713].

В рамках данной статьи будут рассмотрены структурные аспекты частиц и их словообразовательные потенции.

В плане своей структуры частиц можно выделить в сопоставляемых языках следующие типы:

1. Простые (корневые). Как правило, они являются односложными, ср. русск. *де, ишь, ведь, же, еще, уж, чай, не, ни* и т.д.; англ. *even, the, just, too, no, not, well, still, right, yet* и т.п.; нем. *ja, auch, wohl, doch, nur, halt, sehr, fast, so, recht, man, mal, bloß, shon, nicht* и т.п.; фр. *–ci, –là, ne, si, quant, voire, –da, oui, bien, plus, comme, mais, sùr, bref, donc* и т.п. Лишь некоторые корневые частицы являются двусложными, ср.: русск. *ладно, таки, небось, дескать, поди, ровно, словно, право* и т.п.; англ. *very, never, either, neither* и т.п.; нем. *wenig, etwas*; башк. *дөрөс, эммә, якшы*; тат. *инде, эле, исә, әллә, энә, менә*. Крайне редки трех – и четырехсложные частицы: башк. *әлбиттә*; русск. *спасибо*.

2. Производные и сложные частицы, которые характеризуются затемненной словообразовательной мотивацией: русск. *все-таки, только-лишь, действительно, вовсе, решительно, совершенно*; англ. *simply, exactly, precisely, merely, nearly, scarcely, hardly* и т.д.; нем. *äußerst, besonders, einfach, eigentlich, ruhig, überaus, zutiefst* и т.п.; фр. *autant, plutôt, puisque, seulement, tellement* и т.п.; башк. *билдәле, ысынлап, ысындан, ярай, ярар* и т.п.; тат. *лабаса*.

Сюда относятся также некоторые слова, сохранившие грамматические формы исходной части речи, например, форму родительного падежа от *весь* (всего).

3. Составные частицы, которые, в свою очередь, подразделяются на парные сочетания частиц или частицы с какой-либо другой служебной или даже автосемантической частью речи: русск.: *так вот, где уж, куда как, что за, точно как, только бы, будто бы, да ладно, едва ли, да и только, чуть было не, что ли, едва не, только что не* и т.д. Сюда относятся также слова-фразы: *и не говори, и не говорите*; фр.: *est-ce que, ne...pas, ne...que, en tant que, c'est que..., ce que, c'est...qui (que); non seulement ... mais aussi, aussi bien que, non plus, pour ce qui est de (moi)*; нем. *na ja, und so, oder so, wie auch immer, und so weiter, nun ja* и т.п.; англ. *in particular, after all, so far, any longer, at last* и т.д.

Особо следует выделить слова-фразы, а также частицы, имеющие форму предложения, ср. русск. *и не говори, и не говорите*; нем. *weißt du, sag mal, ich meine, ich glaube, ich denke, was ich noch sagen wollte, wissen Sie, sehen Sie, verstehst du?* и т.д.

Некоторые частицы восходят к глагольным формам, ср. русск. *идет* (в значении «согласен»), *давай-давай, иди ты!* (в значении «не может быть»), выражает недоверие); нем. *ausgerechent* (причастие II от глагола *ausrechnen*); башк.: *–мы/-ме икән ни, –мы/-ме, –мо/-мә икән, бит эле, кит эле*; тат. *хәтта ... да* (дистантные компоненты: *хәтта* ул да киләчәк «даже он придет», *бары тик, бит эле, бит инде, менә бит (эле), тагын да, түгел дә бит (соң), эле генә* и т.д.; фр. *voilà*.

Структурная специфика частиц в тюркских (башкирском и татарском) языках состоит в том, что в соответствии с особенностями агглютинативных языков многие частицы интегрированы в морфологическую структуру основ, семантику которых они модифицируют. Во многих случаях по существу они представляют собой грамматизированные элементы. Так, любое вопросительное предложение без вопросительного слова оформляется путем присоединения к исходу основы и словоформы вопросительных частиц *–мы/-ме, –мо/-мә*, ср. Ул кисә эштә булдымы (Был (-а) ли он/она вчера на работе?). Нередко составные частицы в тюркских языках представляют собой комбинацию разноуровневых языковых средств, а именно «вопросительная частица + формально самостоятельная частица»: тат. *–мы/-ме + икән + соң* (Ул кайтып житәрме икән соң?) (Неужели он сумеет приехать своевременно?)

В некоторых языках представлены прерывистые, т.е. с дистантно расположенными компонентами, составные частицы, ср. русск. *только и ... что* (только и думаю, что о детях) [13]; тат. *гына инде* (Соңга гына калмасак инде «Как бы нам не опоздать»); фр. *non seulement ... mais, ne ... que, ne ... plus* и т.д.

К четырехкомпонентным частицам относится русск. *что ни на есть*.

Внутри индоевропейской (и. – е.) семьи в разных языках представлено неодинаковое количество частиц. Так, из разных источников на материале русского языка нами собрано 230 частиц, на материале немецкого языка – 107, английского языка – 50 и французского языка – 47. Что касается французского языка, то В. Г. Гак пишет: «Во французском языке частицы морфологически не так отличаются от других частей речи, как в русском: в нем сравнительно мало слов, которые, выполняя функцию частиц, по форме отличались бы от наречий, местоимений. Собственно частиц во французском языке сравнительно немного: *-ci, -là, ne, si, quant, voire, -da*». [14, с. 451]. Однако во французском, как и в других и. – е. языках, в качестве частиц функционируют слова других частей речи.

Весьма существенные количественные различия существуют между и. – е. и тюркскими языками. Например, в грамматике современного башкирского литературного языка представлен корпус частиц из 12 единиц [15], а татарской грамматике – 25 [16].

Взаимодействие частей речи предполагает их взаимопроницаемость, т.е. способность переходить слов из одной части речи в другую. Языки располагают богатым инвентарем категориального переключения. Важная роль при этом принадлежит средствам словообразования. Не все части речи обладают одинаковой продуктивностью взаимоперехода с помощью словообразовательных средств. Здесь обнаруживается прямая связь между наличием богатой парадигматической системой частей речи и их деривационными возможностями. Чем беднее часть речи в морфолого-парадигматическом плане, тем меньшими деривационными потенциями они обладают. Как известно, служебные части речи (или частицы речи) лишены каких либо морфологических парадигм. Им свойственна также минимальная деривационная активность.

Что касается частиц в собственном (узком) смысле слова, то лишь некоторые из них могут служить базой для образования словообразовательных гнезд с разветвленной системой звеньев, представляющих разные части речи, особенно автосемантические части речи. К относительно продуктивным частицам в деривационном плане относятся частицы утверждения и отрицания, ср. русск. *да*: *да́кать* (дакнуть) «разг. подтверждать слова собеседника словами «да-да»», *поддакивать*, *дакальник* «тот, кто поддакивает кому-л», *дакальница*; *нет*: *отнекиваться*; нем. *ja*: *bejahen* «1. отвечать утвердительно, подтверждать, поддакивать; 2. положительно относиться, одобрять, приветствовать», *nein*: *verneinen* «отрицать» → *Verneinung* «отрицание»; *verneinend* «отрицательный», *nicht*: *vernichten* «уничтожать, истреблять; разрушать» → *Vernichtung* «уничтожение, истребление, разрушение», *vernichtend* «уничтожающий, сокрушительный», *zernichten* «поэт., уст. известить, уничтожать» → *Zernichtung* «поэт.,

уст. гибель»; фр. *ni*: *nier* «отрицать, отпираться», *ne*: *néantisation* «филос. обращение в ничто, в небытие», *négateur* «отрицающий», *négatif* «отрицательный, негативный», *negation* «отрицание», *négativement* «отрицательно», *negativism* «филос. негативизм».

Путем конверсии от анализируемых частиц могут быть образованы слова основных знаменательных частей речи – существительных и глаголов, ср. англ. *yes*: «1. да (частица) и 2. (существительное) утвердительный ответ, согласие; голос «за»; *to yes* (глагол) «поддакивать, соглашаться, давать утвердительный ответ», *no*: «1. (существительное) отрицание, отказ; *noes* (мн. ч.) «голоса против»; II. (прилагательное) никакой нет; III. (наречие) не, нисколько не; IV. (частица); нем. *ja* (частица) – *das Ja* «согласие», *nein* – *das Nein* «отказ»; фр. *non* «1. нет, 2. (существительное) категорический отказ»; *oui* «1. (частица) да; 2. (существительное) утвердительный ответ».

В русском языке в некоторых устойчивых фразах частицы имеют грамматические флексии, ср. *нет*: *пирог с нетом* (без начинки); *спасибо*: в одних случаях данная единица употребляется аморфно, т.е. без грамматических флексий (*Из спасибо шубы не сошьешь*), в других случаях *спасибо* имеет надежную форму (*И спасибо не сказал*) [13].

Во французском языке В. Г. Гак называет *oui* и *non* словами – фразами или профразами «которые могут переходить в другие разряды слов: частицы, междометия (*non mais!*), союзы (*non que*) и существительные (*un non catégorique; un oui massif du référendum*)» [14, с. 456].

Частицы утверждения и отрицания обнаруживают продуктивность и высокую частотность в качестве первого компонента сложных слов или полупрефиксов: англ. *yes*: *yes – man* «разг. подхалим, подпевала, лизоблюд», *yes – girl* «амер. сл. девица, которая никому не отказывает», *non*: *non – asser-tance* «неприятие», *non – act* «бездействовать; отказаться принять меры», *non – aggression* «политическое нападение», *non – ability* «неспособность» и т.п. нем. *ja*: *jasager* «подхалим, угодник», *jasagerei* «поддакивание», *nein*: *das Neinsagen* «отрицание, отрицательное отношение», *Neinsager* «скептик, нигилист», *Neinstimme* «голос против», *nicht*: *Nichtachtung* «неуважение, пренебрежение», *Nichtarier* «неариец», *nichtamtlich* «неофициальный» и т.п.; фр. *ni/non*, функционирующие в качестве префикса: *nitouche* «недотрога», *non – accompli* «1. (прилагательное) несовершенный, незаконченный, 2. (существительное) несовершенный вид», *non – alignement* «неприсоединение», *non – activité* «бездеятельность», *non – combattant* «не принимающий участие в боевых действиях» и т.д.

Словообразовательная активность частиц в качестве производящих основ минимальна и никак не может быть сравнима с деривационной мощно-

стью таких частей речи, как существительные, прилагательные и глаголы.

К описанию структурных особенностей частиц имеет также отношение вопрос о выделении словообразующих и формообразующих частиц в и. – е. и тюркских языках. Например, в русском языке к словообразующим относятся частицы -то, -либо, -нибудь, кое-. С их помощью образуются неопределенные местоимения и наречия: что-то, где-то и т.п., а с помощью ни образуются отрицательные местоимения и наречия: никто, никогда и т.д.

Отрицательная частица не выступает в качестве средства образования антонимов, т.е. практически она выполняет функцию префикса: верный – неверный, счастье – несчастье, друг – недруг и т.д. [12]. К формообразующим, т.е. образующим грамматические формы, частицам в русском языке относятся бы (участвует в образовании формы сослагательных наклонений), да, пусть, пускай (служат для образования императивных предложений); с помощью было, бывало образуются особые формы прошедшего времени с разными аспектуальными значениями [12]; в немецком языке, по мнению некоторых лингвистов, к грамматическим частицам относятся zu (+ инфинитив), es, sich, nicht [17–18]. Однако, в грамматике серии Duden деление частиц на словообразовательные и грамматические отсутствует [20]. Во французском языке выделяются частицы, прибавляющиеся к основе слова через дефис и сообщающие дополнительную информацию о предмете, выраженном основой, ср. ci и là после слова указывают на положение предмета по отношению к говорящему: celui – ci est mon ami, mais je ne connais pas celui – là «этот – мой друг, но того я не знаю» [19], ср. также: -da (усилительная частица): oui – da! (syn. oui bien sûr!) [21]. Восходящая к глаголу частице voir при глаголе в императиве соответствует в русском языке частице -ка: montrez voir un peu «а ну-ка покажите», regardez voir «посмотрите-ка», dites voir «скажите-ка» и т.п. [19].

Во франкоязычной лингвистической традиции частицы разной сложности структуры, как правило рассматриваются как разновидности наречий (см. например [22]).

Структурно-морфологический и словообразовательный анализы частиц показывают, что данная часть речи состоит из гетерогенных в структурном отношении пластов. Наиболее употребительными являются простые (корневые) частицы, образующие в количественном отношении небольшую группу. Открытый класс образует производные и

составные слова – структуры других частей речи, употребляющиеся в функции частиц. О роли частиц в дискурсе см. [23].

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
2. Новикова О. Н. Тенденции развития британского антропонимикона: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2012. 42 с.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межязыковой передачи. М., 2005. 416 с.
4. Антышев А. Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Башк. гос. аграрн. ун-т, 2001. 239 с.
5. Беляев А. Н. Формирование и развитие топонимической системы немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2017. 42 с.
6. Буркова Т. А. Функционально-стилистическое варьирование антропонимов в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2010. 45 с.
7. Мурысов Р. З. Морфология имени существительного в разноструктурных языках. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 290 с.
8. Уразметова А. В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2016.
9. Мурысов Р. З. Типология глагола в разноструктурных языках. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 327 с.
10. Мурысов Р. З. Грамматика производного слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград, 1990. 40 с.
11. Мурысов Р. З. Союзы в контрастивно-типологическом аспекте // Вестник Башкирского университета. Научный журнал. 2017. Т. 22, №3. С. 799–810.
12. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука. 1980. 783 с.
13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
14. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 831 с.
15. Юлдашев А. А. Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. 467 с.
16. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. 396 с.
17. Moskalskaja O. J. Grammatik der deutschen Gegenwartsprache. М., 1983. 344 с.
18. Schendels E. J. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text. М., 1988. 416 с.
19. Новый французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1999. 1195 с.
20. Duden Bd. 4. Die Grammatik. Dudenverlag. Nannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 2005. 1343 s.
21. Le Petit Robert. Dictionnaires le Robert. Paris, 2004. 2947 p.
22. Martin Riegel, Jean – Christophe Pellat, René Rioul – Grammaire méthodique du Français. Presses Universitaires de France. Paris, 2014. 1107 p.
23. Савельева Л. А. Роль частиц в когезии и когерентности текста // Вестник Башкирского университета. Научный журнал, 2018, №1. С. 225–232.

Поступила в редакцию 14.07.2018 г.

THE STRUCTURE OF PARTICLES IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE

© R. Z. Muryasov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Email: frgf.dekanat@rambler.ru

The field nature pervades both the whole system of parts of speech and each part of speech individually. Nouns, adjectives, and verbs belong to the nucleus of the system of parts of speech. Parts of speech close to the nucleus are pronouns, adverbs and numerals. The peripheral zone consists of the so-called speech particles, including prepositions, conjunctions, and particles in the narrow sense. The most contradictory is the status of particles as a part of speech. Many linguists view them as separate categories of adverbs. From the point of view of its structure, particles can be divided into simple (root), derivative, complex, and composite. Particles proper are root (simple and as a rule monosyllabic). The majority of derivative and complex particles are characterized by shaded relations between their immediate components. Within this part of speech, words of other parts of speech dominate that are used (depending on the communicative and pragmatic features of the text) in the meaning of particles.

Keywords: speech particles, field structure, simple, complex and composite particles, derivational defectiveness.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper name]. Moscow: Nauka, 1973.
2. Novikova O. N. *Tendentsii razvitiya britanskogo antroponimikona: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Ufa, 2012.
3. Ermolovich D. I. *Imena sobstvennye: teoriya i praktika mezh'yazykovoi peredachi* [Proper names: theory and practice of interlanguage translation]. Moscow, 2005.
4. Antyshev A. N. *Imena. Nemetskie antroponimy* [Names. German anthroponyms]. Ufa: Bashk. gos. agrarn. un-t, 2001.
5. Belyaev A. N. *Formirovanie i razvitie toponimicheskoi sistemy nemetskogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Ufa, 2017.
6. Burkova T. A. *Funktional'no-stilisticheskoe var'irovanie antroponimov v nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Ufa, 2010.
7. Muryasov R. Z. *Morfologiya imeni sushchestvitel'nogo v raznostrukturnykh yazykakh. Monografiya* [Morphology of the noun in languages of different structures. Monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2016.
8. Urazmetova A. V. *Angliiskaya toponimika kak leksicheskaya podсистема yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Ufa, 2016.
9. Muryasov R. Z. *Tipologiya glagola v raznostrukturnykh yazykakh. Monografiya* [Typology of the verb in languages of different structures. Monograph]. Ufa: RITs BashGU, 2011.
10. Muryasov R. Z. *Grammatika proizvodnogo slova: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk.* Leningrad, 1990.
11. Muryasov R. Z. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal.* 2017. Vol. 22, No. 3. Pp. 799–810.
12. *Russkaya grammatika. T. I. Fonetika. Fonologiya. Udareie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka, 1980.
13. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Comp. i gl. red. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint, 1998.
14. Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow: Dobrosvet, 2000.
15. Yuldashev A. A. *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of contemporary Bashkir literary language]. Moscow: Nauka, 1981.
16. *Tatarskaya grammatika. T. II. Morfologiya* [Tatar grammar. Vol. 2. Morphology]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1997.
17. Moskalskaja O. J. *Grammatik der deutschen Gegenwarts-sprache.* Moscow, 1983.
18. Schendels E. J. *Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text.* Moscow, 1988.
19. *Novyi frantsuzsko-russkii slovar'* [New French-Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1999.
20. Duden Bd. 4. *Die Grammatik.* Dudenverlag. Nannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 2005.
21. *Le Petit Robert. Dictionnaires le Robert.* Paris, 2004.
22. Martin Riegel, Jean – Christophe Pellat, René Rioul – *Grammaire méthodique du Français.* Presses Universitaires de France. Paris, 2014.
23. Savel'eva L. A. *Vestnik Bashkirskogo universiteta. Nauchnyi zhurnal,* 2018, No. 1. Pp. 225–232.

Received 14.07.2018.